

АННОТАЦИИ

G. NEUMANN, *Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit*, Wiesbaden, 1961. 115 стр.

Геттингенский лингвист Гюнтер Нойман исследует в своей монографии (воспроизводящей его докторскую диссертацию) проблему сохранения хетто-лувийского языкового (фонетического, морфологического и лексического) наследия в языках Малой Азии второй половины I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. (в исследовании используется материал туземных текстов и античные источники — глоссы и т. д.).

Книга построена следующим образом: во «Введении» (ч. I, стр. 12—27) дается хронологический обзор различных точек зрения на языковые взаимоотношения, существовавшие в Малой Азии во времена античности; в основном разделе работы («Исследование лексики»; ч. II, стр. 28—82) исследуется история отдельных слов в соответствии с языковыми районами, а также слов, отнесение которых к тому или иному языку по тем или иным причинам затруднено; в заключительном разделе работы («Результаты»; ч. III, стр. 98—108) содержится подробное резюме исследования и делаются отдельные замечания по истории хетто-лувийских языков «поздней» поры. Работа снабжена подробным библиографическим указателем (стр. 109 сл.) и различного рода индексами (звуки и звуковые переходы; суффиксы; корни; отдельные слова — стр. 112—115).

Г. Нойману удалось собрать ряд дополнительных данных, свидетельствующих в пользу индоевропейского характера лидийского и ликийского языков (первый из которых он склонен сближать с хеттским и палайским, второй — с пероглифическим и клинописным лувийским; само собой разумеется, что все названные языки рассматриваются им в пределах одной и той же языковой группы). По мнению Г. Ноймана, ряд хетто-лувийских особенностей можно констатировать для сидетского, карийского и псидийского языков, обладающих письменностями, а также киликийского, ликаонского и каппадокийско-катаонского языков, пись-

менные памятники на которых пока не обнаружены¹. Из исследования, опубликованного Г. Нойманом, следует вывод, что на рубеже двух тысячелетий (I до н. э. — I н. э.) в Малой Азии существовало не два или три индоевропейских (хетто-лувийских) языка, а гораздо большее число их (что вполне естественно с точки зрения диахронной лингвогеографии). Важно в этой связи отметить, что Г. Нойман прослеживает ряд языковых изменений, истоки которых лежат в хеттском и лувийском языках, а результаты обнаруживаются в поздних анатолийских языках. Исследование Г. Ноймана будет, несомненно, иметь важное значение при создании в будущем сравнительно-исторических фонетики и грамматики хетто-лувийских языков; однако не только в этом ценность книги Г. Ноймана: исследуя языковые взаимовлияния и судьбу определенных языковых реалий (строительная и другая терминология), этот ученый помогает этнографам и историкам глубже проникнуть в сложные взаимоотношения и бытовые условия анатолийских племен действительно «темной» эпохи, разделяющей хеттский, палайский и лувийский языки, с одной стороны, и ликийский, лидийский и другие «поздние» языки Малой Азии, с другой.

В. Ш.

¹ К таким особенностям относятся, в частности: генитивы (?) на -s в псидийском (ср. хеттский и палайский), суффиксы *-ss-, *-l-п *- (u) mn (a) — в карийском (подробнее о карийском см. мои работы: «Карийский вопрос», ВЯ, 1962, № 5 и «О хетто-лувийском характере карийского языка», ВЯ, 1963, № 3), форма mas-a — «бог(-ам)» в сидетском (при общехетто-лув. *mas(a)n- (g/h основа), индоевропейское чередование *g/h в языке Катаонии, хетто-лувийская основа *at- «отец» в киликийском, индоевропейская форма *derwa (ср. хетт. taru-, русск. *дрова*) в ликаонском.

R. HAASE, *Die keilschriftlichen Rechtssammlungen in deutscher Übersetzung*, Wiesbaden, Harrassowitz, 1963, VIII + 123 стр.

В этой небольшой книге западногерманского ученого даны переводы известных на 1963 г. древневосточных клинописных сборников законов и их фрагментов. Составитель сборника — историк древнего права, ассириолог и хеттолог Рихард Хаазе. Несмотря на хрестоматийный характер книги, автор в своих примечаниях весьма

полно ссылается на переводы тех мест, где понимание текста другими специалистами расходится с его пониманием. Как в данной книге, так и в своих других работах¹

¹ R. Haase, *Körperliche Strafen in den altorientalischen Rechtssammlungen* RIDA, 3e Sér. X, 1963, стр. 55—75.

Р. Хаазе ссылается на работы советских ученых — В. Афанасьевой, И. Дунаевской, И. М. Дьяконова, Э. А. Менабде, акад. В. В. Струве. В равной мере он, помимо работ, написанных на западных языках, использует также новейшие польские и югославские работы.

Изложение материала начинается с Кодекса Ур-Намму, основателя III династии Ура (стр. 1). Далее следуют шумерская серия «Ана ittišū» и табличка Клея (Clay), равно как и небольшой фрагмент шумерских законов луврской таблички АО 10638 (стр. 3—7), затем законы Эшнунны (стр. 9) и Липит-Иштара, царя Исна (стр. 17—20), восходящие к самому концу III и началу II тыс. до н. э. После малоизвестного, также, по-видимому, раннего фрагмента из Суз (стр. 21), следуют «Законы Хаммураби» (стр. 23—55). Отметим, однако, что для этого памятника из русских переводов Р. Хаазе учитывает лишь перевод акад. В. В. Струве в «Хрестоматии по истории древнего мира» (I, М., 1950), да и то в немецком издании, вышедшем в ГДР в 1959 г., и оставляет вне своего поля зрения перевод И. М. Дьяконова 1952 года². В своем переводе автор сознательно воздерживается от перевода и интерпретации терминов *muškēnum* и *awēlum* (*mar awēlim*), давая тем самым читателю возможность самому судить о значении этих слов.

Один из наиболее положительных моментов в данной хрестоматии — полный перевод так называемого «Указа Аммицадуки» (стр. 47—60), царя Вавилонии, относящегося к третьей четверти XVII в. до н. э. Этот указ, плохо сохранившийся, собранный из различных фрагментов и изданный лишь в 1958 г. Ф. Р. Краусом³,

является важнейшим законодательным памятником, свидетельствующим, что, несмотря на попытку Хаммураби укрепить изнутри своим законодательством старовавилонское общество и предотвратить опасность закабаления основной массы свободных земледельцев, она все же реально существовала. Дело дошло до того, что после 1650 г. Аммицадуке пришлось принимать экстренные меры однократного прощения долгов и отпуска на волю кабальных рабов, чтобы спасти свое государство от полного экономического краха. Следует лишь выразить сожаление, что, хотя новый сборник переводов важнейших древневосточных письменных памятников появился у нас совсем недавно⁴, этот важнейший документ не нашел в нем подходящего места.

Далее в книге следуют хеттские (стр. 61—94), среднеассирийские законы (стр. 95—116) и фрагменты законов нововавилонского времени (стр. 117—119). В заключение дана сравнительная таблица разных отраслей права по всем перечисленным выше законодательным памятникам.

Работу Р. Хаазе следует, несомненно, приветствовать. Можно лишь отметить, что, несмотря на стремление к максимально полному включению памятников древневосточного права, здесь отсутствуют столь важные тексты, как изложение реформ Урукagina (XXIV в. до н. э.) из Лагаша, так называемая «Конституция Теленину» и еще некоторые памятники. Несомненно, что в дальнейшем ни один исследователь этих законодательных памятников не сможет обойтись без труда Р. Хаазе.

М. Г.

² ЗВХ, ВДИ, 1952, № 3, стр. 225—261.

³ F. R. Kraus, Ein Edikt des Königs Ammi-šaduqa von Babylon, Leiden, 1958.

⁴ «Хрестоматия по истории древнего Востока», М., 1963.

J. B. PRITCHARD, *The Water System of Gibeon. The University of Pennsylvania, University Museum. Museum Monographs, Philadelphia, 1931, стр. VII + 23*

Раскопки Эль-Джиба, древнего Гибсона, обогатили науку не только важным эпиграфическим материалом VII—VI веков до н. э. и свидетельствами о широко развитом виноделии в этой области древней Иудеи¹, но вскрыли также и самую совершенную из известных нам древних систем водоснабжения на Ближнем Востоке, описанию которой и посвящена рассматриваемая монография. Система водоснабжения древнего Гибсона состояла из ступенчатого туннеля, прорубленного в ска-

ле внутри оборонительных сооружений и сообщавшегося с изобильным источником в нижней части холма вне городской стены. Кроме того, в городе имелся еще вырубленный почти на одиннадцатиметровую глубину колодец цилиндрической формы. Над колодез в древности находился источник, который упоминается и в Библии (II Sam., 2, 13 сл.). К источнику веда вырубленная в склоне вдоль стен колодца лестница в 40 ступенек. Как вполне резонно предполагает Дж. Притчард, такая система водоснабжения обеспечивала жителей в мирное время и усиливала также обороноспособность города во время осады, освобождая его от нужды в привозной воде. Интерес вызывает дата сооружения этой системы водоснабжения, засыпанной окон-

¹ J. B. Pritchard, *Hebrew Inscriptions and Stamps from Gibeon*, Philadelphia, 1959; М. Гельцер, Новые эпиграфические материалы из Гибсона, ВДИ, 1931, № 1, стр. 167—174.

чительно в начале VI в. до н. э., т. е. во время разрушения Иудейского царства Навуходоносором II. В слоях земли, засыпавших колодец, попадаются в основном предметы VIII—VII веков до н. э. и нет ни одной вещи древнее X в. Автор (стр. 22), опираясь на аналогию с системой водоснабжения в Мегиддо и возможной датой ее создания, склонен датировать гибеевскую систему не ранее 1200 г. до н. э. Однако Дж. Притчард упускает из виду египетские источники второй половины

Нового царства, свидетельствующие о системах водоснабжения (колодцах) в городах Палестины, расположенных внутри городских укреплений². Поэтому вполне возможно, что датировку эту следует пересмотреть и отнести несколько ближе, к середине II тысячелетия до н. э.

М. Г.

² W. Spiegelberg, *Befestigte Brunnenanlagen in Palästina*, ZAS, 65, 1930, № 1, стр. 57 сл.

P. MATTHIAE, *Ars Syra, Contributi alla storia dell'arte figurativa siriana nella eta del medio e tardo bronzo*, Universita di Roma, Centro di studi semitici, Serie Archeologica, IV, Roma, 1962, стр. 156, 28

Настоящее исследование является первым фундаментальным трудом по истории искусства Сирии и Палестины II тысячелетия до н. э., созданным с учетом всех новейших материалов из раскопок Библа, Угарита, Марн, Хамы, Алаха, Хацора и других мест. Кроме того, в труде Паоло Маттиа приводятся также ранее не опубликованные памятники искусства Сирии, хранящиеся в Алеппском музее (табл. IV—V). Тем самым рецензируемое издание по объему и полноте привлекаемого материала оставляет далеко позади обобщающее исследование Р. Дюссо, появившееся в 1949 г.¹ Однако исследование Маттиа, как и его другие работы², касаются одного лишь искусства и не затрагивают архитектуры и материальной культуры в целом.

После краткого введения (стр. 13—17), определяющего характер, хронологические и географические рамки исследования и историю вопроса, автор переходит к главе о каменной (круглой) скульптуре (стр. 18—39). Хотя сохранилось немного ее образцов, однако автор здесь удачно, на наш взгляд, выявляет особенности грубо условной сирийской художественной школы первой половины II тысячелетия до н. э., приходя к выводу, что портретная скульптурная голова из Алаха XVIII века, изображающая царя Яримлима (?) (табл. III), отражает лишь более осмысленную и художественную передачу тех же традиций искусства³.

Многочисленные бронзовые статуэтки II тысячелетия до н. э., находящиеся в Си-

рии, Финикии и Палестине (стр. 41—66), которые изображают различные божества, П. Маттиа сводит к шести основным типам. Несомненно, что одним из основных центров их распространения, а может быть, и производства был Библ в Финикии. Особенно удачно при сравнении почти идентичных стоящих на льве бронзовых фигурок божества начала II тысячелетия до н. э., найденных как в Сирии, так и в Малой Азии (табл. XVIII), автору удается поставить вопрос о существовании широмалоазийской школы в изобразительном искусстве рассматриваемого периода.

Отдельная глава посвящена также рассмотрению изображений на каменных стенах (стр. 67—81). Хотя и здесь на основании весьма немногочисленных памятников удастся все же определить стилистическое единство от Палестины до Северной Сирии, в Угарите обнаруживается и сильное влияние египетской художественной школы.

В главе, посвященной резьбе по слоновой кости (стр. 83—94), П. Маттиа приходит к выводу, что в позднебронзовый период, к которому относятся исследуемые памятники, эта отрасль искусства в Сирии хотя и развивалась под влиянием египетских образцов, однако здесь создалась своя художественная школа, отличная от таковой в странах эгейской культуры. Данная отрасль служила, в основном, придворным нуждам.

Наиболее объемистая глава посвящена глиптике (стр. 95—132) — главным образом цилиндрам-печатям и их оттискам из Алаха. П. Маттиа противопоставляет здесь сирийский стиль, богатый нюансами и резкими переходами, более пластичной вавилонской глиптике. Местами, особенно в Палестине, имеются подражения египетским мотивам. Внимания заслуживает также (стр. 114—121) исследование влияния сирийских элементов на глиптику Марн и первые попытки выделить особенности печатерезного искусства отдельных городов-государств Сирии.

В заключение (стр. 133—138) автор говорит о том, что в искусстве Сирии наме-

¹ R. Dussaud, *L'art phenicien du IIe millénaire*, P., 1949.

² P. Matthiae, *Il motivo del al vacca che allatta nell'iconografia del Vicino Oriente Antico*, RSO, XXXVII, 1962, № 1/2, стр. 1—31; он же, *Un sigillo inedito di Aleppo e l'iconografia di Amurru*, OA, I, 1962, № 2, стр. 245—252.

³ Ср. Н. Д. Флиттнер, *Культура и искусство Двуречья и соседних стран*, Л., 1958, стр. 191 сл.

чаются пути к различению живого народного творчества и придворной традиции, но несмотря на это, искусство этой страны обладает единством и цельностью. Искусство Сирии и Финикии I тысячелетия до н. э. является преемником традиций II тысячелетия.

Исследование Паоло Маттиа на длительный период явится настольным пособием и справочником как для археологов, так и для историков искусства древнего Востока и стран эгейской цивилизации.

М. Г.

P. MATTHIAE, Studi sui rilievi di Karatepe, Università di Roma, Centro di studi semitici, Studi semitici, IX, Roma, 1963, стр. 135, 32

Как указывает уже само заглавие книги, П. Маттиа после обстоятельной монографии, посвященной искусству Сирии II тыс. до н. э., посвятил свое очередное исследование сиро-хеттскому искусству начала I тыс. до н. э. Это первый в науке обстоятельный разбор всего комплекса рельефов из Аданы (Каратепе в Киликии), обнаруженных там начиная с 1945 г. вместе с финикийскими и хеттскими иероглифическими надписями царя Азитавадда. Изучение памятников облегчается тем, что 32 опубликованные тут же таблицы с фотографиями воспроизводят все сохранившиеся рельефы.

Введение (стр. 9—15) повествует об истории открытия и публикации по частям памятников из Каратепе.

В первой главе (стр. 17—30) автор рассказывает о публикации билингвы и ее датировке. К сожалению, автор не знаком с фундаментальным трудом И. Н. Винникова, содержащим переиздание и перевод надписей из Каратепе¹. Разбирая палеографические данные и некоторые косвенные исторические свидетельства, П. Маттиа датирует надписи примерно 730 годом до н. э., создавая тем самым и основу для датировки ортостатов и рельефов на них. Однако И. Н. Винников датирует надписи IX веком.

Вторая глава посвящена иконографии рельефов (стр. 31—64). В качестве сравнительного материала П. Маттиа пользуется в основном аналогичными рельефами Телль-Халафа (начало X в. до н. э.), Зенджирли (IX в. до н. э.) и Кархемиша. Наряду с целым рядом традиционных мотивов и иконографических схем он отмечает и некоторое новаторство в искусстве по сравнению с предшествующим периодом. Таковым в первую очередь является изображение двух расположенных друг против друга воинов, убивающих

пленика, и двух так же расположенных всадников и человека между ними, держащего коней за удила (табл. VI). Кроме того, отмечается еще ряд сюжетов, ранее нам не известных в сиро-анатолийском искусстве рассматриваемого времени, а также то, что в изображениях допускается отход от ряда установившихся иконографических схем.

Касаясь стиля рельефов Каратепе (гл. III, стр. 65—94), автор отмечает, что он является продолжением «позднехеттской» художественной школы, берущей, однако, начало еще до создания рельефов Телль-Халафа. П. Маттиа считает весь комплекс рельефов на каменных ортостатах плодом творчества не одного, а ряда художников и различает их индивидуальные «почерка».

В «Заключении» (стр. 95—104) П. Маттиа пытается определить общие тенденции развития «позднехеттского» искусства. Так, отмечается сильное месопотамское влияние, восходящее ко II тыс. до н. э. Автор пытается также выяснить культурный вклад арамейских племен и позднееассирийского искусства. При этом, однако, он считает искусство Каратепе, как и все «позднехеттское», логическим продолжением и малоазийского и сирийского искусства средние и позднебронзового времени. Интересно, что наиболее разительные совпадения сюжетов и их трактовки можно заметить именно в сирийской глиптике II тыс. до н. э.

«Приложение» (стр. 105—126) содержит подробный каталог к опубликованным таблицам с описанием изображенного там сюжета. Как и во всех книгах рассматриваемой серии, тут имеется прекрасная система указателей (стр. 127—133).

Значение этой монографии, однако, не исчерпывается исследованием истории искусства Сирии и Малой Азии I тыс. до н. э. Она должна помочь выяснить нам ряд моментов и в искусстве ассирийского рельефа, равно как и в искусстве Урарту и Закавказья.

М. Г.

¹ И. Н. Винников, Новые финикийские надписи из Киликии, ВДИ, 1950, № 3, стр. 86—97; он же, Вновь открытые финикийские надписи, ЭВ, V, 1951, стр. 121—133.

J. ANDRÉ, L'alimentation et la cuisine à Rome, P., 1961, 259 стр.

Трудно заниматься историей какого-либо народа, не зная его быта, не уделяя внимания его образу жизни, характеру жилища, пищевому режиму. Знакомство с этим последним разделом помогает последовательно определить и степень состоятельности разных классов, и облик сельского хозяйства данной страны, уточнить свои представления о торговых сношениях как между отдельными странами, так и со странами чужеземными.

Историки средних веков и нового времени на Западе систематически занимаются изучением питания разных классов в разных странах и в разное время. Для этой работы в их распоряжении имеется богатый материал: чего стоят одни приходно-расходные книги разных хозяйств! Историк Рима лишен таких драгоценных документов; наши источники дают, по существу говоря, только каталоги съедобных предметов, и требуется большая работа, чтобы «разнести» их данные по потребителям. Старые исследователи, занимавшиеся бытом древнего Рима (Марквардт, Блюмнер), ограничивались обычно приведением такого сокращенного каталога. Ни о людях, для которых предназначалась эта пища, ни о ее вкусовых и питательных качествах, ни о способах ее приготовления в их работах ничего не говорится. Книга Андре написана совершенно иначе. Автор дает характеристику почти всех съестных продуктов, употреблявшихся в древней Италии. Хронологические рамки, поставленные автором для его обзора (по крайней мере, в предисловии), очень широки: от II в. до н. э. и до VII в. н. э. «Кулинарные» сведения распределены в пределах этого времени очень неравномерно, и автор естественно сосредоточил внимание преимущественно на II—I вв. до н. э. и на I в. н. э., т. е. на том периоде, от которого до нас дошло наибольшее количество источников. Правильнее, пожалуй, было бы и ограничить себя этим временем и не ставить рядом с Колумеллой (I в. н. э.) Анфима (VI в. н. э.) и «Геопонику» (IX—X вв. н. э.), а уж если ставить, то не в одной плоскости, а с ударением на хронологическом расстоянии.

Книга разделена на четыре главы, последовательно рассматривающих растительную и животную пищу, напитки и способы приготовления разных кушаний. Каждая глава разбита на особые отделы, посвященные отдельным группам продуктов: в первой главе — овощи, злаки, плоды; во второй — рыба, дичь, домашняя птица, мясо (говядина, баранина, свинина), яйца и молочные продукты; в третьей — вода, вина, разные напитки с медом, пиво; в четвертой — жиры, «сахар», приправы, пряности, пирожные и сладкое; общая характеристика римского кулинарного искусства.

Достоинства книги Андре очень велики —

это настоящая «съестная» энциклопедия, без которой теперь нельзя обойтись ни одному человеку, который пожелал бы ознакомиться с бытом древней Италии. Энциклопедии предназначаются вообще не для чтения сплошь, а для справок, и как справочник книгу Андре трудно переоценить: не перегружая читателя излишними подробностями, автор сообщает о каждом предмете все, что может охарактеризовать его место в пищевом режиме италийца: указано, кто был главным потребителем данного продукта, каковы его вкусовые качества, способы его приготовления и консервирования, цены разных сортов; места, где разводили и выращивали лучшие сорта тех или иных овощей и фруктов. Все это строго документировано, изложено просто и ясно. Беглые указания на круг потребителей того или иного продукта, если их свести вместе, позволяют определить состав пищи у людей богатых и у бедняков — особенность, которой нет ни у Марквардта, ни у Блюмнера в их книгах о «римских древностях». Книга подробна и обстоятельна; раздел об овощах, например, знакомит читателя буквально со всеми овощами и травами, которые возделывались в италийских огородах, причем автор не забывает упомянуть о тех успехах, которых добились италийские огородники, чьи огороды широким поясом охватывали Рим и снабжали городской огромный и прихотливый рынок. В разделе о плодовых деревьях собраны сведения о том, когда и откуда пришло то или иное дерево. Автор неизменно придерживается правила давать при упоминании любого растения, помимо древнего латинского названия, его наименование, принятое в современной ботанической номенклатуре. Это дает возможность заинтересованному читателю подробнее ознакомиться с любым растением при помощи ботанических справочников. Жаль, что в отделе о рыбах это правило — давать и современное принятое в ихтиологии название — не соблюдено, и рыбы перечислены только под известными нам из источников их латинскими именами (в алфавитном порядке), переведенными на французский язык. Отождествление «италийских» рыб с их современными потомками, произведенное на основании работ таких крупных ихтиологов, как Сен-Дени и Котт (на них Андре и ссылается), конечно, убедительно, но если читатель пожелал бы составить себе более ясное представление о какой-нибудь рыбе, например о *chalcis* или *mullus* (очень любимая у римлян рыба), то и эти имена, и французское *alose* или *surmulet*, и русское «бешенка» останутся для него пустым звуком.

Чрезвычайно интересна последняя глава (о способах приготовления пищи), в которой, на основании всей проделанной им работы, автор дает общую характеристику

стику римской кухни богатых людей. Ничего подобного, насколько мне известно, до сих пор сделано не было. Отмечено чрезвычайно большое употребление припек; объяснен с давних пор укоренившийся обычай сначала варить мясо и только потом его жарить (на бойню обычно отправляли животных, уже состарившихся, не способных ни работать, ни давать потомство; значительную часть этого мяса заготавливали впрок: засаливали или вялили и сушили на солнце; мясо, и без того жесткое, становилось еще жестче. Закаренное сразу, оно было бы несъедобно; его предварительно размятали длительной варкой). Автор отметил разницу между вкусами римскими и современными: римляне очень любили и сок асафетиды, острый, горький, неприятно пахнущий, совершенно непримлемый для европейской кухни, и рыбный соус (гарум) с его специфическим запахом¹. Чрезвычайно интересна оценка пищи того времени по содержанию в ней витаминов. Книга снабжена двумя хорошими указателями и удачно иллюстрирована.

С основными выводами автора, которые он дает в своем «Заключении», говоря о разнице между столом богатого человека и бедняка и о составе крестьянской пищи, нельзя не согласиться. Некоторые положения его, однако, вызывают сомнение. Вряд ли XII книга «Сельского хозяйства» Колумеллы «дает единственное верное представление о крестьянском питании». Сомнительно, чтобы сложные рецепты консервирования салата, инулы, разных сортов лука и чеснока, которые были вставлены в руководство ключнице если не богатого, то во всяком случае состоятельного дома, были применимы и в крестьянском хозяйстве. Единственным способом сохранения овощей и фруктов в крестьянском хозяйстве была, как правило, сушка, о чем говорит и сам Колумелла. О крестьянском питании, конечно, более верное представление дают и те Приапеи, в которых описан сад и огород «бедного хозяина» и особенно псевдо-Вергилиев *Moretum*. Что касается потребления хлеба в рабской среде, то вопрос этот более сложен, чем то представляется Андре. С рабами у Катона дело более или менее ясно: Катон называет точные цифры хлебного пайка. (Между прочим, Андре ошибочно приписал Катону зимнюю норму зерна в три модия: рабы получали зимой ежемесячно 4 модия, а летом по 4½.) Если рабу-колонику зимой ежедневно выдавалось 4 фунта хлеба, т. е.

1309 г, тогда как раб, ходивший «на свободе», имел только 900 г зерна, то разница эта, очевидно, объясняется тем, что припек, получавшийся при печении хлеба, более или менее уравнивал разницу между пайком обеих невольничьих категорий. В усадьбе у Катона были и мельницы и печь для выпечки хлеба, но что было делать городскому рабу I в. н. э. с теми 5 модиями зерна, которые ему, по свидетельству Сенеки, ежемесячно выдавались? Если его хозяин жил в особняке, то там, конечно, была и кухня и печь, а может быть, даже и пескочный мельник. Но по особнякам жило в Риме, как известно, совсем небольшое число людей. Для основной массы населения жильем служили квартиры в инсулах; в этих квартирах очагов не было — их заменяли жаровни, на которых можно, пожалуй, испечь блинчиков или оладий, но хлеба не испечешь. Раб, получив свою месячину, должен был отдать это зерно прежде всего на мельницу, а затем как-то сговориться с пекарем относительно выечки хлеба из полученной им муки. Даром, конечно, никто ему зерна не молол и хлеба не пек. Сколько должен был раб заплатить, сколько терял он из своего пайка на всех этих «договорных операциях», мы не знаем, но говорить об увеличении хлебного рациона для раба в I в. н. э. сравнительно со временем Катона нет никакого основания: он в лучшем случае оставался тем же, а может быть, был и меньше.

Есть у Андре промахи и менее существенные. Напрасно он думает (133 стр.), что утка у римлян была настоящей домашней птицей. «Римская утка» совсем не походила на наших современных уток. Она хорошо летала, почему место, где ее держали, обязательно затягивали сеткой; это была, подлинная дикая утка; Колумелла и рекомендовал тем, кто хотел обзавестись этой птицей, насобирать по болотам утиных яиц и подложить их под кур (VIII, 15, 7). Вряд ли автор прав, говоря, что мясо павлина и в первом веке Империи оставалось в такой же чести, как у современников Цицерона (стр. 135). Достаточно сравнить Варрона (III, 6) и Колумеллу (VIII, 11), чтобы увидеть, насколько спрос на павлинов упал к тому времени, когда писал Колумелла. Ягнят отправляли на бойню далеко не всюду (стр. 153), а только под Римом, — именно пригородное хозяйство описывает Колумелла, на которого Андре ссылается, — хозяева крупных кочевых овечьих отар тщательно выращивали молодяк. Слова Колумеллы (II, 9, 11) не дают основания думать, что пшеничную кашу варили преимущественно на воде, как нет основания и считать ее заменой хлеба (стр. 234). Все эти мелкие промахи отнюдь не умаляют больших и несомненных достоинств книги Андре.

¹ Для читателя, который мало знаком с химическими процессами и поэтому не все поймет в статье Гримали о гаруме (P. G r i m a l, Th. M o n o d, Sur la vraie nature du «garum», REA, LIV, 1952, 27—38), страницы о гаруме у Андре незаменимы.

O. Mørkholm, Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria, København, 1963 (Historisk-filosofiske Meddelelser udgivet af Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab., Bind. 40, No 3), 75 стр., 15 табл.

Монетное дело Селевкидского государства до настоящего времени еще не исследовано достаточно хорошо. В то же время изучение его важно для политической и очень малоизвестной экономической истории не только этого государства, но и целого ряда государственных образований, наследовавших части его территории, таких как Бактрия, Парфия, Каппадокия, Понт, Вифиния и др. В этой связи особый интерес представляет чекан Антиоха IV, после которого начинается процесс быстрого упадка и распада Селевкидской державы: монетное дело этих новых государств наследует традиции Селевкидов в основном в том виде, в каком они проявились при этом последнем значительном правителе; да и для самих последних Селевкидов источник очень многих явлений в нумизматике надо искать в чекане Антиоха IV.

Известное значение для решения ряда вопросов — как чисто нумизматических, так и более общих — имеет работа О. Моркхольма, специально посвященная монетному делу Антиоха IV. Книга состоит из введения, четырех глав и 15 прекрасно выполненных таблиц. Автор особо подчеркивает ограниченность поставленной перед собой задачи. Исследование ведется на базе материала только двух монетных дворов — Антиохии на Оронте и Аки-Птолемаиды — и ограничивается золотым и серебряным чеканом. Основанием для подобного ограничения для О. Моркхольма являются следующие обстоятельства: для восточных монетных дворов (Селевкия на Тигре, Сузы, Экбатаны) еще слишком мало материала (в первую очередь необходимо ждать публикации монет, полученных при раскопках в Сузах), а остальные монетные дворы западной части державы ничего нового по сравнению с Антиохией и Акой не дают. Бронзовый чекан, по мнению автора, является темой особого исследования, которое и обещано им в дальнейшем.

Если первое самоограничение О. Моркхольма и имеет какие-то основания, хотя и сейчас уже есть известный материал для восточных районов Селевкидского государства¹ и было бы очень желательно продолжение монументальной работы Э. Ньюэлла², то второе представляется малообоснованным и искусственным. Автор сам неоднократно показывает, что ключ ко многим вопросам лежит в бронзовом чекане, и многократно к нему возвращается. Так, например, атрибуцию серебряных монет к монетному двору Антиохии

О. Моркхольм обосновывает сходством с местным бронзовым чеканом. Поэтому нам представляется, что объединение в одну работу этих двух органических частей монетного чекана Антиоха IV было бы крайне желательно и совместная публикация их усилила бы позиции автора и дала бы гораздо более разностороннюю картину развития монетного дела в Селевкидском государстве при Антиохе IV.

О. Моркхольм подчеркивает, что его работа приводит только к уточнению некоторых деталей, в частности, уточняя хронологию и проясняя отдельные неясные детали весовых систем, используемых в селевкидском чекане, но не дает новых больших выводов. Если это и верно в отношении первых двух чисто нумизматических глав (но и здесь его датировки монетных серий очень сильно расходятся с предложенными ранее Ньюэллом и другими, давая во многом новую картину политических событий царствования Антиоха IV), то в двух последних главах, посвященных вопросам, связанным с некоторыми сторонами религиозной политики Антиоха, выводы Моркхольма настолько сильно расходятся с общепринятыми мнениями, что скромность автора оказывается даже несколько дезориентирующей.

В первой главе рассматривается чекан Антиохии на Оронте. Автор анализирует три монетные серии, выходящие с этого двора, различающиеся как типами аверса и реверса, так и легендой. Первая серия, датируемая автором 175—173/172 гг. до н. э. (аверс — голова царя в диадеме, реверс — Аполлон на омфале, легенда — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ANTIOXOY), продолжает традицию чекана Селевкидского государства предыдущих царствований. Сравнительно незначительное число известных монетных типов, вызванное относительно небольшим объемом монетной эмиссии в первые годы царствования Антиоха, объясняется, по мнению О. Моркхольма, тем фактом, что большая часть монет, находившихся в обращении в Сирии в это время, состояла из монет, поступивших из Малой Азии благодаря активному торговому балансу Сирии в торговле с Малой Азией. Этот вывод, высказанный впервые М. Ростовцевым³, видимо, действительно объясняет создавшуюся картину.

Значительные изменения происходят во второй серии, датируемой 173/172—169/168 гг. до н. э. В ней наряду со старыми типами появляются некоторые новые (для реверса — орел, сидящий Зевс, Изиды,

¹ R. N. McDowell, *Coins from Seleucia on the Tigris*, Ann Arbor, 1935.

² E. T. Newell, *The Coinage of the Eastern Seleucid Mints* (*Numismatic Studies*, № 1), N. Y., 1938.

³ M. Rostovtzeff, *Some Remarks on the Monetary and Commercial Policy of the Seleucids and Attalids*, «Anatolian Studies presented to W. H. Buckler», 1933, стр. 277—298.

Серapis и т. д.). Но особенно разительно изменение легенды, которая теперь звучит как ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXOY ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ. Автор обращает особое внимание на введение типа сидящего Зевса, т. е. того типа, которого около ста лет не было в селевкидском чекане, и на появление некоторых египетских типов, объясняемое целями пропаганды в период экспедиций 170/169 и 168 гг. в Египте.

Третья серия (169/168—164 гг. до н. э.) характеризуется новыми изменениями в типах и аверса, и реверса. Наиболее популярный мотив в этой серии: аверс — голова Зевса, реверс — сидящий на троне Зевс, легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXOY ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ. Встречаются и другие типы; так, иногда вместо головы Зевса на аверсе появляется голова Антиоха IV, популярен также тип с головой Аполлона на аверсе и Аполлоном кифаредом на реверсе. При всех изменениях типов легенда остается неизменной. Особое место внутри этой серии занимают золотые статеры, чеканка которых в селевкидском монетном деле II в. до н. э. всегда была событием экстраординарным. Разбирая взгляды, высказанные по поводу появления золотых монет его предшественниками, автор убедительно доказывает, что чеканка их связана с известным празднеством, устроенным Антиохом в Дафне (см. Polyb., XXX, 3, 4). То же самое, видимо, можно сказать и о типах с изображением Аполлона кифареда.

Из всех выводов О. Моргхольма наиболее оригинальными в этой главе кажутся его датировки всех трех серий. Достаточно сравнить их с датировками Ньюэлла, которые до сего времени были общепринятыми:

Ньюэлл	Моргхольм
1 серия 176/175—170/169	175—173/2
2 серия 169—167	173/172—169/168
3 серия 167—165/164	169/168—164

Критика Моргхольмом системы Ньюэлла кажется убедительной. Так, он справедливо указывает, что по схеме Ньюэлла первая серия (самая малочисленная по количеству аверсных — 13 и реверсных — 4 — штемпелей, в то время как во второй серии аверсных штемпелей — 89, а реверсных — 17, а в третьей серии соответственно — 136 и 36) обнимала почти половину времени царствования Антиоха. Поэтому сужение О. Моргхольмом хронологических рамок первой серии представляется вполне справедливым. Но в то же время надо признать, что дата смены первой серии второй очень слабо обоснована его весьма приблизительными подсчетами возможного числа используемых в течение года штемпелей. Но в этих подсчетах очень возможны отклонения; кроме того, нам представляется, что иногда автор считает принадлежащими одному штемпелю аверсы монет, в действительности сделанные

различными штемпелями. Так, например, аверсы АЗ — Р5 и АЗ — Р6 (табл. 1) сделаны двумя хотя и близкими, но различными штемпелями, на что указывает, например, различная форма нижней части уха Зевса, несколько иная форма локопов в нижней части прически. Тем самым подсчеты автора нарушаются, и меняется дата конца первой серии. Более успешно О. Моргхольм доказывает дату перехода от второй к третьей серии.

Глава вторая посвящена анализу монетного чекана Аки-Птолемеиды и в общем построена по тому же принципу. Автор устанавливает наличие двух серий (первая 170—168, вторая — 168—164). Самым интересным в этой главе представляется вывод об отсутствии достаточно ясно выраженной централизации и стандартизации в монетном деле Селевкидского государства. Так, в то время как антиохийский монетный двор выпускал монеты с новым реверсным типом Зевса и новой легендой, монетный двор в Аке продолжал чеканить монеты старых типов. То же самое доказывается и различием в весах. Уменьшение веса монет антиохийского монетного двора после 173/172 г. до н. э. несколько не отражается на монетном дворе Аки-Птолемеиды.

В главе третьей, анализируя портреты Антиоха, О. Моргхольм основное внимание уделяет монетам. Наиболее важным наблюдением здесь является установление факта смены на аверсе монет второй серии изображения, имеющего портретные черты Антиоха IV, новым изображением, которое имеет уже некоторые идеализированные черты, позволяющие трактовать его как изображение скорее божества или героя, чем человека. Моргхольм увязывает этот факт с появлением на монетах легенды ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ. В то же время он возражает против широко распространенного взгляда, базирующегося главным образом на факте появления на монетах головы Зевса якобы с портретными чертами Антиоха, что Антиох Эпифан отождествлялся с Зевсом.

В заключительной части этой главы автор рассматривает все известные скульптуры, в которых обычно видят изображение Антиоха IV (из Нисы-Скифополиса, Шами и хранящуюся в Метрополитэн-музее). О. Моргхольм решительно отрицает это. Однако если для первой и третьей статуй аргументация автора не вызывает сомнений, то относительно статуи из храма в Шами все-таки кажется верным старое определение⁴, поддержанное в последнее время Р. Гиршманом⁵.

⁴ A. Stein, *Old Routes of Western Iran*, L., 1940, стр. 141—159, табл. IV; Rostovtzeff, *SEHW*, I, табл. X, 1; L. Vanden Berghе, *Archéologie de l'Iran ancien*, Leiden, 1959, стр. 64, табл. 64 с.

⁵ R. Ghirshman, *Iran, Parther und Sassaniden*, Münch., 1962, стр. 20 сл.

Наконец, в последней главе («The God Manifest») трактуется весь круг вопросов, касающихся изменений легенды в чекане Антиоха. Отталкиваясь от выводов третьей главы, в которой показывается, как постепенно на монетах Антиоха IV вместо портрета реального человека появляется изображение божественного правителя, автор анализирует легенды, привлекая широкий круг литературных и эпиграфических свидетельств, позволяющих понять эту новую черту в нумизматике Селевкидов. Он совершенно справедливо, следуя за Л'Оранжем⁶, считает это явление не локальным, а общеэллинистическим, связанным с процессом формирования культа обоготворенных правителей. Но, с другой стороны, О. Мюркхольм отмечает различия в титулатуре на памятниках, находящихся вне пределов Сирии (где часто встречается эпитет $\Theta\epsilon\iota\varsigma\alpha\nu\tau\omicron\upsilon\varsigma$

⁶ L' O r a n g e, *Apotheosis in Ancien Portraiture*, Oslo, 1947.

и никогда не встречается термин $\Theta\epsilon\iota\varsigma$), и памятниками, так сказать, предназначенными для внутреннего потребления, где правилом является использование в титулатуре эпитета $\Theta\epsilon\iota\varsigma$. Тем самым уясняются некоторые моменты религиозной политики Антиоха IV, продолжавшего линию создания государственного культа правителей в Селевкидском государстве и придавшего ей новые черты.

Итак, книга О. Мюркхольма представляет несомненный интерес. Хотя автор ограничивается часто уточнением некоторых деталей, результаты его работы, несомненно, будут во многом способствовать выяснению еще очень неясной истории поздних Селевкидов. Говоря словами самого О. Мюркхольма, «дальнейший прогресс в историческом изучении этого периода будет в значительной мере зависеть от таких кропотливых исследований деталей».

Г. А. Кошеленко

MARIA R. ALFÖLDI, *Die constantinische Goldprägung*, Mainz, 1963, 236 стр., 41 табл.

Роскошно иллюстрированная книга Марии Альфёльди посвящена монетной чеканке императора Константина I. Помимо основного раздела, где прослеживается постепенная эволюция монетной иконографии Константина, книга содержит сравнительно частные экскурсы (об украшениях на лбу императора, о формах диадемы — в том числе диадемы женщины императорской фамилии, о скипетре) и каталог главнейших типов золотой монеты 306—337 гг.

Исследовательница выделяет среди монет Константина особую группу, созданную одним мастером — «первым гравером», как она его называет (стр. 12 сл.). Он работал всегда на важнейших монетных дворах, в непосредственной близости от императорской резиденции. Его деятельность началась в Остии на монетном дворе Максенция (возникновение этого монетного двора автор относит к несколько более позднему времени, чем было принято до сих пор, к 310 г. — стр. 30); после гибели Максенция «первый гравер» с 313 г. работает в Тичине (стр. 38), а с 317 г. — в Сирмии (стр. 78). В 325 г. он покидает Сирмий и отправляется в Константинополь (стр. 99); на рубеже 327—328 гг. серии, чеканенные первым гравером, внезапно исчезают (стр. 112).

В эти годы все остальные монетные дворы в общем и целом подражали работам «первого гравера» — лишь крайне редко можно заметить следы самостоятельного творчества (например, солунская чеканка к двадцатилетию правления Константина — стр. 106).

М. Альфёльди полагает, что монетная чеканка отвечала вкусам двора: не только содержание изображений, но и самая форма императорского портрета выражала воззрения, господствовавшие при дворе (стр. 124). В этой связи чрезвычайно существенно наблюдение о сознательном подражании портретам Траяна (стр. 58 сл.). Именно Траян, а не Август был объявлен в константинопольской официальной пропаганде достойным образцом государя (стр. 60).

Автор прослеживает также и ту постепенную идеализацию образа Константина, которая замечается уже на монетах сирмийского периода; если тичинская чеканка отчетливо передает характерные черты императора: орлиный нос, резко выступающий вперед подбородок, впалые щеки, — то после 317 г. эти особенности смягчаются, и образ Константина становится более пластичным (стр. 125). После 324 г. «придворный классицизм» еще более отчетливо проявляется в идеализации изображения государя — и не столько на монетах, сколько в пластике. Этот классицизм возник на основе римского реалистического искусства, и при Константине еще не порвал окончательно со своей базой. К тому же, полагает исследовательница, в монетной иконографии величественно-идеализированный облик Константина проявляется менее четко, чем в скульптуре, — лишь как кратковременная проба стиля, как тенденция, которой еще приходилось отступать перед традицией (стр. 132 сл.).

Поскольку М. Альфёльди говорит об эпохе Константина как о переходном времени (стр. 1), естественно, что она должна была коснуться и вопроса об отражении в монетной чеканке торжества новой формы идеологии — христианства. Но вот что любопытно: исследовательница касается этого важнейшего вопроса не в основной части монографии, а в экскурсах. Это, пожалуй, не случайно, но коренится в самой природе исследуемого ею материала.

Хорошо известно, что на монетах Константина постоянно встречаются изображения языческих божеств: Конкордии, Фортуны, Виктории, Ромы, Юпитера, Марса, Геркулеса, Солнца (стр. 156), в том числе и на монетах, чеканенных после 313 г. (см., например, в каталоге №№ 11—12, 14—24, 30—33, 36—37, 42—52, 54—62, 64—70, 89—91 и мн. др.). Напротив, ни на одной из монет Константина нет изображения христианских символов.

Правда, византийский писатель XII в. Михаил Италик утверждал, будто он видел золотую монету Константина с портретом императора и его матери Елены, где на реверсе было помещено изображение Христа¹, но монетные находки, сколько мне известно, не подтверждают рассказа Италика, и в основательности его определения есть все основания сомневаться.

Но если на самих монетах не чеканились христианские символы, может быть, в облачении Константина можно проследить воздействие новой религии? М. Альфёльди дважды коснулась этого вопроса. Во-первых, она показала, что скипетр

в руках Константина нельзя считать скипетром с изображением креста (Kreuzzepter) и что эта инсигния появляется только при Аркадии (стр. 152). Во-вторых, хотя она и поддержала распространенное мнение о том, что на мюнхенском серебряном медальоне Константин изображен в племе с монограммой Христа (стр. 140 сл.), но вместе с тем обратила внимание на крайнюю редкость подобного изображения (кроме мюнхенского медальона, известны всего две бронзовые монеты этого типа). «Из цифрового соотношения между экземплярами с монограммой и без нее, — говорит сам автор, — совершенно ясно, что вариант с монограммой сбоку на шлеме сразу же был сочтен непозволительным (unstatthaft) и устранен. Два дошедших до нас экземпляра могли бы принадлежать к серии, которая уже покинула монетный двор к тому моменту, как там (или в более высокой инстанции) осознали допущенную ошибку» (стр. 141). Правда, тут же М. Альфёльди допускает, что серебряный медальон вряд ли мог быть изготовлен без ведома Константина.

Вопрос о медальоне с монограммой нуждается в дальнейшем рассмотрении, свободном от клерикальных увлечений. Действительно ли перед нами монограмма Х-Р или простая бляшка, украшающая шлем государя? Но даже если мы признаем этот узор монограммой, все равно собранный Альфёльди материал свидетельствует о языческом характере монетной чеканки «равноапостольного» Константина и является еще одним предупреждением против попыток преувеличить степень христианизации империи при этом государе.

А. И.

¹ J. A. Cramer, *Anecdota graeca et codd. manuscriptis bibl. Oxoniensium*, vol. III, Oxonii, 1836, стр. 190 сл.